

Лев Лобов
Кира Васильева

Lev Lobov
Kira Vasilyeva

ПЕРЕДЕЛКИНО

PEREDELKINO

Лев Лобов
Кира Васильева

Lev Lobov
Kira Vasilyeva

ПЕРЕДЕЛКИНО

Сказание
о писательском
городке

PEREDELKINO

A Tale of the
Writers' Village

Written in Russian,
with an introduction,
Table of Contents,
image captions and abridged
history in English

Москва | Moscow

УДК 59
ББК 28.693.36
Л68

Дизайн *Вадима Гусейнова*
Book design by *Vadim Guseynov*

Фото на суперобложке и стр. 2 – *Владимира Телегина, 2009*
Supercover and page 2 photos by *Vladimir Telegin, 2009*

Стр. 13. Зимний вечер в Переделкине. *Фото Льва Лобова, январь 2008*
Page 13. Wintertime in Peredelkino. *Photo by Lev Lobov, 2008*

Стр. 382. Музей Пастернака. *Фото Владимира Телегина, 2009*
Page 382. The Pasternak Museum. *Photo by Vladimir Telegin, 2009*

Стр. 495. У входа в Дом творчества. *Фото Вадима Гусейнова, август 2010*
Page 495. The grounds of the Dom Tvorchestva Writers Hotel as viewed from the hotel entrance. *Photo by Vadim Guseynov, 2010*

Стр. 49, 140–141. Схематические карты Переделкина (по состоянию на 1935 и 1990-е) – *В. Гусейнов, Л. Лобов.*
Pages 49 and 140–141. Schematic maps of Peredelkino as of 1935 and 1990s, respectively. *V. Guseynov and L. Lobov*

Лобов Л., Васильева К.

Л68 Переделкино, сказание о писательском городке /Лев Лобов, Кира Васильева. – М.: Бослен, 2011. – 580 с; ил.

ISBN 978–5–91187–139–0

В книге рассказывается о подмосковном писательском поселке и его обитателях. Авторы давно и многоаспектно занимаются Переделкином и на основе многолетних изысканий создали уникальную иллюстрированную книгу-энциклопедию с акцентом на судьбы и разные истории, случившиеся в поселке и в его литературной ойкумене. Системообразующий принцип книги – неспешная прогулка по переделкинским аллеям. Авторы проведут читателей от улицы к улице, от дома к дому, открывая чудесный мир этого уникального места. Это и первый путеводитель по поселку, и первый опыт переделкиноведения, представленный авторами в увлекательной форме.

The book presents a well-researched history of the writers' compound set up in 1935 in a green Moscow suburb, where hundreds of prominent men and women of letters lived, including the Nobel Prize winner Boris Pasternak. The mix of personal memoirs, anecdotes, social history and literary biography makes for a unique and absorbing read. The style of writing with its wide vocabulary and expressive turn of phrase adds interest and depth for the reader. Written in Russian, with an introduction, Table of Contents, image captions and abridged history in English

УДК 59
ББК 28.693.36

ISBN 978–5–91187–139–0

Книга издана в авторской редакции

Все права принадлежат авторам
All rights reserved by the authors

© Лобов Л., Васильева К., 2010
© Lev Lobov & Kira Vasilyeva, 2010

Авторы низко кланяются замечательным людям и организациям, безвозмездно предоставившим для этой книги тексты и иллюстрации, давшим ценные пояснения:

Агапову Сергею Васильевичу, руководителю коллектива
Музея Чуковского (*пояснения, фото*)

Бокареву Александру (*пояснения*)

Булгаковой Татьяне (Терезе) Ивановне,
дочери Г. Серебряковой (*фото, воспоминания*)

Евтушенко Евгению Александровичу (*стихотворение*)

Ефимову Владимиру (*фото*)

Заболоцкому Никите Николаевичу (*пояснения, фото,*
разрешение на публикацию стихотворений Заболоцкого Н.А.)

Ивановой Наталье Борисовне (*пояснения*)

Издательству «Индрик», Москва (*иллюстрации*)

Кавериной (Заболоцкой) Наталье Николаевне
(*пояснения, фото, разрешение на публикацию стихотворений Заболоцкого Н.А.*)

Каверину Николаю Вениаминовичу (*пояснения, фото*)

Карапетяну Рубену (*фото*)

Кириленко Алексею Александровичу, директору Литературного
музея-центра К.Г. Паустовского, г. Москва (*пояснения, фото*)

Леоновой Наталье Леонидовне (*пояснения*)

Липницкой Ольге (*фото*)

Навашину Петру Сергеевичу (*устные рассказы, тексты*)

Навашиной-Крандиевской Наталье Петровне
(*устные рассказы, тексты, иллюстрации*)

Нечаеву Евгению Борисовичу и Ольшанскому Александру Андреевичу
(*байки о писателях*)

Панину Игорю (*фото*)

Пастернак Наталье Анисимовне (*интервью, фото*)

Полковниченко Сергею (*фото*)

Пьянову Алексею Степановичу (*стихотворение*)

Скворцову Константину Васильевичу (*фото, стихотворение*)

Тевекелян Диане Варткесовне, дочери В.Тевекеляна (*пояснения*)

Телегину Владимиру (*фото, в том числе для суперобложки*)

Томиной Наталье, внучке К.В. Воронкова (*фото, биография деда*)

Фединой Нине Константиновне, дочери К.А. Федина (*фото, воспоминания,*
пояснения)

Фоминой Варваре Александровне, внучке К.А. Федина (*фото*)

Чупринину Сергею Ивановичу (*разрешение на съемку на даче, пояснения*)

Шагинян Мирель Яковлевне, дочери М.Шагинян (*пояснения*)

Шевчуку Александру (*фото*)

«Экспресс газете» (*фото*)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение _13
Introduction _17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дачи и судьбы

Басни и быль. Кем и как принималось решение о строительстве писательского городка _23

Раздача пряников.
Литфонд и материальные блага _30

Дачные планы. Поиск места для писательского городка _34

Большой куратор. Трудности стройки _40

Что нам стоит дач настроить.
Превышение смет, воровство, недоделки _45

Бермудский квадрат Переделкина.
Радости и огорчения первых дачников; 1937-й; Л. Каменев, И. Бабель, В. Вишневский, В. Зазубрин, А. Фадеев, А. Степанова, А. Марьямов _52

Улица не того имени. Ул. Павленко; Башня Тамары, К. Федин _65

Юноша с седою головой.
Б. Пастернак _73

Вниз от Пастернака. Вс. Иванов, Т. Иванова, Вч. Иванов, Л. Брик, В. Катанян, Л. Сейфуллина, В. Правдухин, И. Андроников _84

Трагическая судьба драматурга.
А. Афиногенов _92

На южной стороне погоста.
Ул. Тренева; В. Солоухин, С. Чупринин, О. Николаева, П. Павленко, А. Васильев,

Д. Донцова, А. Вознесенский, Н. Погодин, И. Волгин _97

Тренева, № 1. Б. Пастернак, Е. Петров, Б. Горбатов, Т. Окуневская, Н. Хикмет, И. Золотусский _108

Никто не был слишком большой фигурой. Б. Пильняк, П. Нилин, С. Диковский, В. Диковская, П. и С. Лукницкие _116

Большое озеро как блюдо.
Самаринский пруд _120

Аллея мрачных классиков.
Нечетная сторона. Ул. Серафимовича; И. Беспалов, К. Тренин, С. Щипачев _139

Главный сказочник. К. Чуковский _148

Здесь один классик подселел другого. И. Эренбург, В. Катаев _157

От самого Бреста. С.С. Смирнов, Л. Кассиль, Б. Ласкин, К. Симонов, Е. Винокуров, Н. Вирта, Е. Пермяк, Д. Жуков, Л. Соболев, а также Петр, Ариадна и Валерий Тур _163

Полярные миры соседей. М. Шагинян, Е. Исаев, А. Чаковский _172

Четные по улице Серафимовича.
А. Салынский, В. Тевекелян, С.В. Смирнов, Ю. Лаптев, И. Анисимов, В. Лидин _179

Мыслитель, садовод, рабочий.
Л. Леонов _182

Железнодорожные классики. О. Волков, А. Битов, Ф. Искандер, К. Скворцов _188

Послевоенные дачи. Адмиральские терема; Г. Марков, адмирал В. Чернавин, генерал И. Комзин, Р. Рождественский _200

Военно-гражданская дорога.

Ул. Горького: продолжение адмиральских дач, госнабовские дачи, генерал И. Рудько, О. и А. Лавровы __207

Дон Кихот переделкинский.

С. Залыгин __215

Его жена дала определение революции.

Н. Тихонов __219

Барометр советско-югославских отношений.

Е. Пермьяк, О. Мальцев, финскоподданная Лена Карт, иранец Герами, сотрудник ГКЭС Павлов __225

Как бы дача мастера.

К. Паустовский __231

Переделкинские наследники

Паустовского. В. Паустовская-Навашина, С. Навашин, Н. Навашина-Крандиевская, П. Навашин __241

Отец «Двух капитанов» и отец «Максима Перепелицы».

В. Каверин, И. Стаднюк __245

Переделкинская ось шестидесятых и превратности судьбы.

В. Аксенов, И. Гринберг, Ч. Гусейнов, Н. Степанов __249

Последний легитимный глава писателей СССР.

В. Карпов __262

Шаг в сторону...

...чтобы понять подоплеку нынешних тяжб за переделкинскую собственность __267

И снова – Переделкино.

И снова В. Карпов __271

Послевоенное Переделкино.

Улица Гоголя. Е. Евтушенко __273

Музыку списали у Гуно.

А. Жаров, А. Межиров, Ю. и Л. Либединские, Г. Горин, А. и С. Карагановы, А. Поповский __280

От Канта до Брянского леса.

В. и В. Асмусы, А. Арбузов, А. Софронов, А. Кешоков, Е. Овчаренко, Е. Сидоров __286

Мир хижинам, война дворцам!

Н. Леже, З. Церетели __291

Я и царей играл!

А. Довженко, Ю. Солнцева, Ю. Королев, В. Кеворков, Н. Охлопков, Б. Вадецкий __296

Птица Феникс советской литературы.

Г. Серебрякова __302

До конца улицы Лермонтова.

А. Авдеенко, А. Штейн, П. Штейн, И. Кваша, Т. Путиевская, Н. Грибачев, Б. Агапов, В. Ермилов, В. Земцов, Т. Семушкин, Д. Благой, В. Кожевников, М. Пархоменко __311

В Творческом тупике.

Ул. Довженко __320

И соцреализм, и поэзия, и сага, и фантастика.

Вс. Кочетов, М. Алигер, А. Рыбаков, А. Казанцев __326

И снова два капитана.

Александр Переделкинский и Александр Балтийский __336

Поэтесса и ее соседи во времени

и пространстве. Э. Казакевич, Б. Ахмадулина, Г. Гофман, Л. Петрушевская __340

Под управлением любви?

Б. Окуджава __347

Переделкино для всех.

Дом творчества __357

Звездные бомжи Переделкина.

А. Солженицын, Н. Заболоцкий __368

О, Русь! Глас вопиющего в пустыне __380

Музеи.

Как рождались мемориальные дома К. Чуковского, Б. Пастернака, Б. Окуджавы __383

Дом-музей К.И. Чуковского __391

Дом-музей Б.Л. Пастернака __397

Дом-музей Б.Ш. Окуджавы __403

Музей-галерея Евгения Евтушенко.

Переделкино, год 2010-й. Часть 1 __406

И где он, заповедник?

Переделкино, год 2010-й. Часть 2 __408

Леса недавно столь густые.

Земля в долларовом эквиваленте __428

Стенка на стенку.

Ф. Кузнецов и др. vs. И. Переверзин и др. __437

P.S. __442

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Разное

Личное дело __446

Борис Леонидович – поэт __446

Цена открытия __449

Антон и Кубик __450

Украсим Родину садами __451

Хинди руси бхай бхай __454

Разбитая чашка __458

Два подхода __459

Тамей __462

Три интервью __462

Рожденный для звездной жизни __468

И восстанет Китеж! __472

Брожение мысли __473

Разъезд? __474

Раздолье архитекторам и инвесторам __478

Истоки Переделкина __480

Усадьба Лукино. Леонтьевы, Долгоруковы,

Разумовские __480

Боде, Колычевы, Митрополит Филипп __481

Михаил Львович Боде-Колычев __482

Архив барона __483

Лукино после революции __484

Измалково __486

Устройство усадьбы __487

Юрий Федорович Самарин __488

Последние законные хозяева __490

Измалково в рассеянии __492

Вместо послесловия __493

Dachas, Writers and Museums. __495

Whence Peredelkino __495

Boris Pasternak (1890–1960) and the Pasternak

Memorial Museum __509

Korney Chukovsky (1882–1969)

and the Chukovsky Memorial Museum __512

Bulat Okudzhava (1924–1997)

and the Okudzhava Memorial Museum __516

The Yevgeny Yevtushenko Gallery __517

The Samarin Lake __518

Информационно-справочный

раздел __524

Примечания __524

Аннотированный именной указатель __527

Литературные произведения,

упомянутые в первой части __569

Использованные источники знаний __570

TABLE OF CONTENTS

The English Pages

Introduction __17

Dachas, Writers and Museums __494

Whence Peredelkino __495

Boris Pasternak (1890–1960)

and the Pasternak Memorial Museum __509

Korney Chukovsky (1882–1969)

and the Chukovsky Memorial Museum __512

Bulat Okudzhava (1924–1997)

and the Okudzhava Memorial Museum __516

The Yevgeny Yevtushenko Gallery __517

The Samarin Lake __518

The Russian Pages, with the Chapter Headings as Translated into English

Introduction __13

PART ONE

Dachas and Writers

Fables and Reality: Who and How Took the Decision to Build the Writers' Village __23

Distribution of Candies: The Literary Fund and Material Benefits __30

Dacha Plans: Finding the Site for the Writers' Village __34

The Big Supervisor: Construction Site Problems __40

What Does it Cost to Build the Dachas:
Budget Overruns, Theft and Construction Faults __45

The Bermuda Quadrangle of Peredelkino: The Joys and Sorrows of the First Dachniks; the 1937 Repressions; L. Kamenev, I. Babel, V. Vishnevsky, V. Zazubrin, A. Fadeev, A. Stepanova, and A. Maryamov __52

The Street with the Wrong Name: Pavlenko Street, the Tamara Tower, K. Fedin __65

The Grey-Haired Youngster: B. Pasternak __73

Downhill from Pasternak: Vs. Ivanov, T. Ivanova, Vch.Ivanov, L. Brik, V. Katanyan, L. Seyfullina, V. Pravdukhin, and I. Andronikov __84

The Tragic Fate of a Dramatist:
A. Afinogenov __92

On the South Side of the Graveyard:
Treneva Steet; V. Soloukhin, S. Chuprinin, O. Nikolaeva, P. Pavlenko, A. Vasiliev, D. Dontsova, A. Voznesensky, N. Pogodin, and I. Volgin __97

No. 1 Treneva: B. Pasternak, E. Petrov, B. Gorbатов, T. Okunevskaya, N. Hikmet, and I. Zolotussky __108

Nobody Was Too Big: B. Pilnyak, P. Nilin, S. Dikovskiy, V. Dikovskaya, S. and P. Luknitskys __116

The Lake Is Like a Giant Saucer:
The Samarin Lake __120

The Alley of Gloomy Classics, On the Odd Side: Serafimovicha Street; I. Bespalov, K. Trenev, and S. Schipachev __139

A True Magician: K. Chukovsky __148

A Dacha Where One Classic Evicted Another Classic: I. Ehrenburg and V. Kataev __157

From the Extreme Western Town of Brest: S.S. Smirnov, L. Kassil, B. Laskin, K. Simonov, E. Vinokurov, E. Permyak, D. Zhukov, L. Sobolev, as Well as Petr, Ariadna and Valery Turs __163

The Polar Worlds of Neighbors: M. Shaginyan, E. Isaev, and A. Chakovsky __172

The Even Numbers in Serafimovicha Street:
A. Salynsky, V. Tevekelyan, S.V. Smirnov, Yu. Laptev, I. Anisimov, and V. Lidin __179

Thinker, Gardener and Worker: L. Leonov __182

Railroad Classics: O. Volkov, A. Bitov, F. Iskander, and K. Skvortsov __188

Post-War Dachas: Admirals' Mansions; G. Markov, Admiral V. Chernavin, General I. Komzin, and R. Rozhdestvensky __200

The Civil/Military Road: Gorky Street: Further Admirals' Mansions, State Procurement Commission Dachas, General I. Rudko, as well as Olga and Alexander Lavrovs __207

Don Quixote de la Peredelkino: S. Zalygyn __215

His Wife Gave a Definition of the Revolution: N. Tikhonov __219

A Barometer of Soviet/Yugoslav Relations:
E. Permyak, O. Maltsev, Finland's Citizen Lena Kart, Iranian Citizen Gerami and Pavlov, an Employee of the State Committee for External Economic Relations __225

It Narrowly Escaped Being a Master's Dacha: K. Paustovsky __231

Peredelkino Heirs of Paustovsky:
V. Paustovskaya-Navashina, S. Navashin, N. Navashina-Krandievskaya, and P. Navashin __241

Father of "The Two Captains" and Father of "Maxim Perepelitsa":
V. Kaverin and I. Stadnyuk __245

The 1960s Axis of Peredelkino and the Vicissitudes of Fate:
V. Aksenov, I. Grinberg, Ch. Guseynov, and N. Stepanov __249

The Last Legitimate Head of USSR Writers:
V. Karpov __262

A Step Aside: To Better Understand the Hidden Motives Behind the Current Litigations Over the Peredelkino Property __267

Back to Peredelkino: And Back to V. Karpov __271

Post-war Peredelkino and Gogol Street: Ye. Yevtushenko __273

Music Was Copied from Gounod's:
A. Zharov, A. Mezhirov, Yu. and L. Libedisnkys, G. Gorin, A. and S. Karaganovs, and A. Popovsky __280

From Kant and up to the Bryansk Forest: V. and V. Asmuses, A. Arbutov, A. Safronov, A. Keshokov, E. Ovcharenko, and E. Sidorov __286

Peace to the Huts and War to the Palaces:
N. Leger and Z. Tsereteli __291

Why Not, I Used to Play the Czars:
A. Dovzhenko, Yu. Solntseva, Yu. Korolev, V. Kevorkov, N. Okhlopkov, and B. Vadetsky __296

The Phoenix Bird of Soviet Literature: G. Serebryakova __302

Up to the End of Lermontova Street:
A. Avdeenko, A. and P. Shteyns, I. Kvasha, T. Putievskaya, N. Gribachev, B. Agapov, V. Yermilov, V. Zemtsov, T. Semushkin, D. Blagoy, V. Kozhevnikov, and M. Parkhomenko __311

The Dead End of Creative Effort: Dovzhenko Street __320

Improbable Neighbors: Social Realism, Poetry, Saga, and Sci-Fi: Vs. Kochetov, M. Aliger, A. Rybakov, and A. Kazantsev __326

The Two Captains Once Again: Alexander of Peredelkino and Alexander of the Baltic Sea __336

The Poet and Her Neighbors in Time and Space: E. Kazakevich, B. Akhmadulina, G. Gofman, and L. Petrushevskaya __340

Is Love, Indeed, the Conductor:
B. Okudzhava __347

Peredelkino for All: The Dom Tvorchestva Writers' Hotel __357

The Homeless Stars of Peredelkino: A. Solzhenitsyn and N. Zabolotsky __368

O, Thou Russia: A Voice Crying Out in the Desert __380

Museums:
How the Memorial Houses of K. Chukovsky, B. Pasternak and B. Okudzhava Came into Existence __383

The Korney Chukovsky Memorial Museum __391

The Boris Pasternak Memorial Museum __397

The Bulat Okudzhava Memorial Museum __403

The Yevgeny Yevtushenko Gallery
Peredelkino–2010, Part 1 __406

Where Have You Gone, the National Heritage Preserve: Peredelkino–2010, Part 2 __408

The Woods That Used to Be So Vast:
Land Scandals __428

Literary Fund's Internal Strife: F. Kuznetsov et al, vs. I. Pereverzin et al __437

P.S. __442

PART TWO Miscellaneous

The Personal Record: Authors' Docustories __446

Boris Leonidovich is a Poet __446

The Price of a Discovery __449

Anton and Kubik __450

Let's Adorn Our Motherland with the Gardens __451

Hindi Rusi bhai-bhai (Indians and Russians

Are Brothers) __454

A Broken Cup __458

The Two Approaches __459

Tamey __462

Three Interviews __462

Born to Be a Star __468

Let Kitezh Arise! __472

The Fermentation of an Idea __473

Moving Apart? __473

A Unique Chance for the Architects and Developers __478

The Origins of Peredelkino __480

The Lukino Estate. The Leontyevs, the Dolgorukovs and the Razumovskys __480

The Bodes and the Kolychevs,

Metropolitan Philipp __481

Mikhail Bode-Kolychev __482

Baron's Archives __483

Lukino after the Revolution __484

Izmalkovo __486

The Lay-out of Izmalkovo Estate __487

Yuri Samarin __488

The Last Legal Owners __490

Izmalkovo in Exodus __492

Instead of an Afterword __493

Information & References __524

Comments __524

Name Index __527

Literary Works Mentioned in the Book __569

References __570

Если использовать горьковскую мысль, что «все существует лишь для того, чтоб о нем было рассказано», то Переделкино не зря состоялось: интернет-поисковик Rambler, например, отзывается миллионом материалов на слово «Переделкино». Но миллион этих «незряшных» отражений глядит на вас таким диким хаосом, словно кто-то задался целью повторить в зеркалах времени тот чисто хозяйственный, организационно-бытовой раздрай, который царит ныне в поселке. Увы, до сих пор не появилось ни одной книги, рассказывающей о совокупности всего, что происходило здесь. А ведь тут жил и творил цвет нашей литературы. Лишь Корнею Ивановичу Чуковскому было интересно фиксировать день за днем немудреные подробности дачной жизни, да еще Владимир Карпов написал «Жили-были писатели в Переделкино...». И это фактически все, но дневник Чуковского фрагментарен и заканчивается 1969 г., а книга Карпова рассказывает больше о нем самом, чем о представляемых им писателях.

Почему так случилось? Причин этому можно найти множество, но главными представляются две. Повесть о поселке – это что? Это отдает краеведением, беспризорной отраслью то ли науки, то ли литературного творчества, в любом случае жанром не высоким и вряд ли достойным больших талантов, которыми во все времена изобиловало Переделкино. Причина вторая в том, что большим талантам не пристало заниматься другими большими талантами (разве что к дате, разве что по дружбе). Для этого существуют толпы критиков, исследователей, журналистов и прочая, и прочая. Но все эти толпы по условиям главного творческого конкурса жизни в Переделкино не попадают и толком его не знают. Получает-

Кира Владимировна Васильева родилась 17 июня 1946 г. в Переделкине. Окончила факультет журналистики МГУ, работала в редакции газеты «Известия», на телевидении, публиковалась в соавторстве со Львом Лобовым в газетах «Неделя», «Культура», «Вечерняя Москва», в «Роман-Журнале XXI век». В настоящее время посвящает себя свободной литературной работе.

Kira Vasilyeva was born in Peredelkino in 1946. She graduated from the Journalism Department of the Moscow State University. Her career included employment at the newspaper Izvestia and work as editor for Soviet TV. She is currently a freelance writer.

ся замкнутый круг, который попытались разорвать мы, два исконных переделкинских жителя, не обремененных заботой о собственной литературной славе.

Итак, перед вами энциклопедия Переделкина. Но не из разряда «родился, написал ворох книжек и, наконец, почил в бозе и славе». Это энциклопедия занимательная, делающая акцент на судьбах и разных историях, случившихся в поселке и в его литературной ойкумене. Системообразующий принцип нашей книги – неспешная прогулка по переделкинским аллеям. Авторы, истоптавшие не одну дюжину башмаков о поселковые асфальты и глины, проведут вас от улицы к улице, от дома к дому, открывая чудесный мир этого уникального места. Выходит, это еще и первый путеводитель по писательскому городку и, как ни странно, первый опыт *переделкиноведения*, который мы постарались представить в увлекательной форме.

Мы не ставили целью ранжировать наших героев по степени таланта или популярности, помня, что толкование понятия «талант» субъективно, а слава преходяща. Но главное даже не в этом. Главное в том, что мы преданно следовали туда, куда вели нас наши находки. Изыскивалась в судьбе наших героев изюминка, нечто, способное зацепить за живое, – получался рассказ. А если нет, что бывало редко, – мы ограничивались несколькими предложениями. Поэтому о некоторых весьма популярных именах – вскользь, а о других, забытых или полузабытых, – пространно.

Нам приходилось считаться с тем, что литература наша заполитизирована как ни в одной другой стране мира. Мало того, она еще и погрязла во внутрилитературной борьбе как ни одна другая литература в мире. (Правда, вины нынешних писателей в этом нет, точнее, очень мало. Так уж сложилось от времен царской цензуры и борьбы «Арзамаса» с «Беседой любителей русского слова».) Как у любого человека, у нас, конечно, есть свои воззрения на устройство мироздания, но мы, насколько это в наших силах, отказались привносить их в эту книгу. Мы искали человеческие черты и у павших идолов, и у идолов нового времени и акцент делали на челове-

ческое. Короче, все определялось колоритностью наших героев и необычностью обстоятельств их жизни. А колоритных фигур и неожиданных поворотов судеб в Переделкине было во все времена предостаточно!

Сотни одаренных, неординарных людей живут на страницах нашей книги не сами по себе, а в любопытнейшем тесном соседстве. Творят. Ходят в гости друг к другу. Спорят, ссорятся, отмечают вместе праздники и памятные даты. Обсуждают мировые события и литературный процесс. Влюбляются, уводят друг у друга жен. И конечно же, оставляют следы всего этого на бумаге. Эти высказывания мы помещаем рядом с нашим текстом во врезках. Впрочем, во врезках вы найдете не только рассказы переделкинцев о себе и соседях, но и свидетельства непеределкинских персонажей – писателей, журналистов и деятелей культуры. С комплиментарными или нейтральными текстами соседствуют цитаты иронического и даже сатирического толка, в том числе об известнейших и уважаемых нами писателях. И это не случайно. В литературной среде суесловие и похвалы – удел юбилейных речей и некрологов, а в повседневном быту преобладает ирония. Поскольку наша книга не юбилейная и не поминальная, нам ничего не оставалось, как плыть в кильватере преваляющих настроений.

В книге много иллюстраций, в том числе мы помещаем многочисленные собственные фотографии переделкинских памятников, к которым относим не только все без исключения писательские дачи, но и целый ряд достопримечательностей нелитературного содержания.

Хотя ядро книги – писательский городок, на него мы нарастили долитературную историю нашего края и включили ближайшие окрестности, которые ничем иным, как Переделкином, в быту и не именуется, хотя в строгом административном смысле они представлены собственными названиями. Это усадьба Измалково (Самаринская), Центр православного наследия с летней резиденцией Патриарха, Баковка (в ее левосторонней лесной части), деревни Измалково, Переделки и Лукино, дачный поселок Мичуринец, поселок Лазенки и,

Лев Александрович Лобов родился 12 июля 1945 г. в Нижегородской области. Детство и молодость провел в расположенном на другом конце переделкинского леса Внукове. Закончил Московский институт стали и сплавов по специальности «Физика металлов», курсы английского языка при МИД СССР, курсы по подготовке гидов-переводчиков при ВАО «Интурист», высшие курсы Госкомиздата СССР по подготовке редакционно-издательских работников. Профессионально владеет английским языком. Занимался развитием международных научно-технических и издательских связей, выставочным бизнесом. Публиковался в соавторстве с Кирией Васильевой в газетах «Неделя», «Культура», «Вечерняя Москва», в «Роман-Журнале XXI век». В настоящее время посвящает себя свободной литературной работе. В Переделкине с 1982 г.

Lev Lobov was born in 1945. He graduated from the Department of Physical Metallurgy of the Moscow Institute of Steel and Alloys. Having improved his English at the Language School under the Soviet Ministry of Foreign Affairs, he worked as an English guide for American and British tourists from 1966 till 1968 and was subsequently employed in international relations and information services at Soviet science, technology and publishing organizations. After Perestroika, he ran his own international publishing and exhibition business. He is currently a freelance writer.

наконец, дачные Чоботы, ставшие частью московского района Ново-Переделкино. Появились в последнее время и пафосные коттеджные «новоделки». Однако их названия мы отказываемся рекламировать, по крайней мере во Введении. Ничем иным, как разрушением уникальной исторической и природной ауры, они не прославились.

Общая площадь Большого Переделкина – около 1500 га. Для наглядности – это земли, находящиеся в пределах квадрата размером километра четыре на четыре между Минским и Боровским шоссе от ст. Переделкино до ст. Мичуринец Киевской железной дороги, или, иначе, земли, нанизанные на автомобильную дорогу Минское шоссе – Боровское шоссе. Точное описание границ так называемой природоохранной зоны «Переделкино» можно найти в официальных бумагах. Большую часть этой территории занимают массивы Баковского лесопарка, а доля собственно писательского городка – менее десяти процентов, а точнее, около 100 га. Зато каких 100 га! Нигде в мире нет, не было и не будет такой плотности создания литературных произведений, а с этим уникального обилия былей и баек, как в Переделкине, – считайте хоть на сотку площади, хоть на душу населения.

Увы, ныне Переделкино гремит не столько своей литературной славой, сколько непрекращающимися скандалами вокруг заповедных земель, которые растаскиваются оборотистыми дельцами с попустительства властей. Поскольку это угрожает сохранению уникальных памятников национального наследия, мы были вынуждены откликнуться и на эти события. Было бы странно после всего, что мы узнали, не дать своих рецептов спасения Переделкина – и мы их действительно приводим в конце первой части книги.

Можем назвать дату, когда началась работа над этой книгой, – 17 июня 2006 г. В этот день, пришедшийся на день рождения одного из авторов – Киры Васильевой, мы выпустили в эфир свой сайт www.peredelkino-land.ru, явившийся предтечей нашей книги. Венец нашей работы вы держите сейчас в своих руках. Он тоже имеет конкретную дату. Но в широком смысле мой соавтор и жена Кира Васильева посвятила этой книге свою судьбу. Она родилась в 1946 г. в доме, стоящем на самой границе писательского городка, в семье директора Москворецкого леспаркхоза Владимира Алексеевича Васильева и всю жизнь прожила здесь. С детства дружила с писательскими детьми, была принята во многих литературных домах. Окончив журфак МГУ, стала работать на телевидении. Удивительная рассказчица, она сохранила в памяти своей переделкинские изустные сказания, была свидетельницей живой истории городка с начала 1950-х. Она очаровала меня своими рассказами о Переделкине и, позвав в свой дом после нашей свадьбы, выпестовала из меня энтузиаста и пленника Переделкина.

Мы надеемся, что книга наша будет принята читателем благосклонно. Просим о снисходительности (особенно тех переделкинцев, которые знают отдельные эпизоды истории поселка лучше, чем мы). Худо ли, бедно ли, мы без какой-либо сторонней поддержки и помощи выполнили работу, которой, по-хорошему, должен был заняться целый институт. Но не нашлось такого коллектива, и Переделкино выбрало нас, двух своих энтузиастов. Будем признательны за конструктивные замечания и дополнения к этому труду, а также за любые новые материалы, текстовые и графические, или ссылки на них (координаты связи есть на сайте www.peredelkino-land.ru).

Лев Лобов

INTRODUCTION

Lured by Marxist teachings, Russia diverted from the main path of civilization in 1917 and set out to explore the political and socioeconomic tundra of Communism.

In 1936, summarizing the colossal internal strife and superhuman effort of the past nineteen years, the Bolshevik propaganda machine proclaimed that Stalinist-style socialism had triumphed in the USSR. Private property was nonexistent. All people were equal. Political opposition to Stalin was suppressed. New industrial complexes churned out modern machinery and armaments. Mechanized collective farms were set up to replace the traditional agricultural system. 'Heroes' sprang up in every branch of human endeavor. Coal miner Alexei Stakhanov produced as much coal as fourteen other miners. Tractor operator Pasha Angelina ploughed as many fields in one day as a team of her comrades. A Soviet station beamed radio signals from the cap of the world at the North Pole. Soviet aviators flew nonstop to San Francisco over the Arctic. Journalists, artists, theater workers, movie-makers, writers and musicians were banded together in strict government-controlled bodies called 'creative unions' to trumpet the glorious deeds of the Soviet people under the unfaltering guidance of comrade Stalin.

Against this historical backdrop, Peredelkino was established in 1935 as a haven for the best Soviet writers. One year earlier, in 1934, the USSR Writers Union was set up at the First Writers Congress. In its initial stage, the Union had 2,500 members who sent 597 delegates to the Congress. In turn, the delegates chose an interim governing body of 101 members that elected a smaller and higher-ranking Secretariat, which created the superior Bureau for running the Union on a day-to-day basis. Why did the government need it? The Soviet Union was a mammoth collective farm; nobody could live a private life and avoid being organized in some form or another. Although it was called a 'Union', the writers' body was in fact a carbon copy of an

agricultural collective farm, intended to produce a record crop of Bolshevik hullabaloo.

What often worked well for farmers and industrial workers however, failed in many ways with creative people. Alexander Scherbakov was a poet, literary critic and a senior Bolshevik party official who was elected to the Writers Union Secretariat; he wrote in his diary: "Stayed for a half hour at the Congress. Left. Incredibly boring". The delegates, "festive, cheery and devilishly exuberant", as described by another participant, hurried to the buffet. No surprise there: each received food tickets equivalent to 40 rubles per day. It was a feat, however, to spend all that money in a single day. Why? A worker's lunch cost less than one ruble and an average bill for a dinner in a posh restaurant was six rubles. The total budget of the First Writers Congress amounted to 1,200,000 rubles, of which 300,000 rubles were spent on the closing banquet.

Despite the colossal cost and Herculean effort involved, some writers remained unconvinced. An underground leaflet was distributed amongst the delegates that called for fighting against 'Soviet Fascism': "You fear German Fascism, yet Hitler is no threat to us, he hasn't abolished the secret ballot. Hitler respects referenda, [...] which is a bourgeois prejudice for Stalin." This was by no means the only act of protest. An epigram in the Classical style was in wide circulation prior to the Congress:

"O Muse, my beloved, sing praises of praise to Josephus, murderer Stalin. He skillfully uses the slyness of [the] fox and the stubborn performance of [the] donkey. Propped by a ladder of gallows, he climbed to the tip of the power rock."

Stalin's response was predictable: one third of the delegates were later punished, mostly on fabricated charges, a few by capital punishment.

The writers who stayed loyal to the regime, or at least did not openly profess anti-Bolshevism, were bestowed with honors and gifts of all kinds: literary prizes, Soviet decorations, foreign trips, cars, luxury apartments and print runs of millions of copies. Most importantly, all creative people were free from the harsh routines and strict working hours that existed in Soviet farms, factories and offices. Amongst other gifts from the Soviet government, thirty talented writers received elaborate country houses in the newly built Peredelkino. These houses, which would be called 'villas' in the Mediterranean, are known under the name of 'dachas' in Russia. Set in quiet and picturesque countryside, Peredelkino dachas were ideal writing workshops. Most literary dwellers

soon preferred Peredelkino to their city apartments that they all continued to keep as well.

The village was built in virgin pine forest that used to be part of the Izmalkovo estate of the aristocratic Counts Samarin before the Revolution, on plots of land ranging from one to two hectares in size per dacha. Many writers could gather baskets of edible mushrooms and berries in their 'gardens' unspoiled by any manifestation of civilization. Life seemed to be a fairytale come true, yet the writers experienced, and reflected in their writings, all aspects of living in their country. A few had experienced repression during the Stalinist terror, some had served in the army and navy during World War Two, and others were ostracized for their writings and political acts. Many perished in the turbulent events of the twentieth century.

Peredelkino evolved into a legend and an unique social experiment, never again to be emulated anywhere in the world. It brought together dozens of gifted men and women who lived within a narrow habitat and formed an unparalleled density of creative effort within a limited space. It produced an unprecedented wealth of stories that the residents penned about their writer neighbors. Some of these stories are dramatic and some are great fun. The memoir-writing happened, of course, on the sidelines of the main activity, the glorification of the Soviet empire. Still, despite the fact that many of the pages written here were Bolshevik gibberish, essentially all of them had a mark of talent. Stalin, who was de facto the top literary critic, had a taste for quality literature. His favorite reading was Dostoevsky, half-banned and rarely printed in new editions in the USSR. Stalin perused key manuscripts and passed literary verdicts. His tastes often stunned his staunch followers. He could close his eyes to an occasional political misstep or the immoral behavior of a writer if she or he had a true gift. He once received a report which identified the antisocial behavior of a few authors. A political commissar was dispatched to assess the situation and he soon returned with bad news: writers liked their booze too much, they were unfaithful spouses, many had second families on the side, and so it went on. He suggested draconian measures. Stalin looked the man sternly in the eye and said: "I have no other writers for you so you'll have to make do with the ones which I have." And the writers continued to enjoy unprecedented liberties, within the limits of the totalitarian system, of course.

Step by step, a liberty here and a liberty there: the Soviet writing world grew to be the sharp edge

of the wedge that struck deep into the monolith of the Soviet system, finally cracking it open following Perestroika. How did this happen? It happened through the daring, talent and determination of the liberally minded writers, quite a few of whom lived in Peredelkino alongside the stalwarts of the Communist orthodoxy.

The liberal movement started in the mid-1950s when Peredelkino became a focal point of East-West confrontation over the Western printing of Boris Pasternak's *Doctor Zhivago*, which was soon to win the coveted Nobel Prize in literature. The political power centers of Western democracies understood the significance of the Soviet writing elite in their efforts to dismantle the USSR. It is not incidental that Ronald Reagan spent some of his precious presidential time lecturing Soviet authors on democracy during his visit to the USSR in 1988 when he signed historic disarmament deals with Mikhail Gorbachev. The role of the liberal writers in bringing down the Soviet Union, however, is not met with universal acclaim in modern day Russia. There are many who brand the 1960s-1980s liberals as traitors and agents of imperialism.

Peredelkino has three museums to commemorate its titans. One is dedicated to Boris Pasternak. The other sits in the former home of Korney Chukovsky, who wrote bestselling books for children and received an Honorary Doctorate from the University of Oxford for his essays on Walt Whitman and Mark Twain, as well as Russian translations of a few English-language authors. Chukovsky did not confront the system as openly as Pasternak did, yet he had the courage to give shelter to Alexander Solzhenitsyn, another Russian Nobel Prize winner, when the latter was expelled from the Writers Union and had nowhere to live. The third museum commemorates Bulat Okudzhava, the poet, prose writer, dramatist, screenwriter and bard. A fourth museum, the Yevtushenko gallery, opened its doors in 2010.

In addition to these names, the litterateur who left a mark on Peredelkino included Arseny Tarkovsky, Veniamin Kaverin, Leonid Leonov, Valentin Kataev, Konstantin Paustovsky, Isaak Babel, Vsevolod Ivanov, Nikolay Zabolotsky, Boris Pilnyak, Konstantin Simonov, Alexander Fadeyev, and Konstantin Fedin. None of them was a staunch liberal, yet all were outstanding men of letters. In the 1960s through the 1980s, Yevgeny Yevtushenko, Andrey Voznesensky, Bella Akhmadulina, Vasily Aksyenov and Robert Rozhdetsvensky of the generation of the so-called *Shestidesyatniki*, the Children of the '60s, moved into the village

as well and added flavor to its dissident stance. Turkish poet Nazim Hikmet also spent most of his self-imposed exile in the USSR at Peredelkino. Becoming a Communist in his native country, he was critical of the actual Soviet reality.

Today the village has about an hundred dachas, half of which belong to the International Literary Fund, the economic arm of several writers' unions. The other half is a mix of private writers' and non-writers' dachas. It occupies an area of about 100 hectares and sits within Greater Peredelkino, which encompasses several traditional villages alongside new luxury villa developments. The total area of Greater Peredelkino is about 1,500 hectares. There are many landmarks aside from the literary in this land.

The oldest part of Greater Peredelkino is Lukino Hill, where a wooden church of the Transfiguration of Christ was built in 1646, the year when this suburb of Moscow was first mentioned in the chronicles. The church was rebuilt in stone in the early nineteenth century as part of the Lukino estate of the Bode-Kolychevs, another aristocratic family associated with the history of the place. The Russian Orthodox Church received the estate in the early 1950s when relations began to thaw between the government and the Church as a result of the loyal stand of the clergy during World War Two. Since then the estate has served as the summer residence of the Holy Patriarchs. Recently, the plot of land owned by the Church was increased to some thirty hectares. Massive development is now underway and will culminate in the establishment of a National Center of Orthodox Heritage. Next to the Center and sloping down the hill toward the Syetun river is the Memorial Peredelkino Cemetery, where many men and women of letters are buried, including Boris Pasternak and Korney Chukovsky.

Peredelkino is just five kilometers away from the outer Ring Road, the official boundary of Moscow, in the south-western direction. To get there from the city one may chose either the Minskoe or the Borovskoe highway. Trains commute to Peredelkino from the Kievsky RR Station.

The Russian pages of the book document the monumental history of the place from its early settlers to the present-day residents. The authors lead the reader from dacha to dacha and from lane to lane, without any omissions, offering a series of exciting stories in which the unique writers' haven plays an inseparable part. Covering many prominent names and featuring hundreds of literary anecdotes,

this book may be regarded as an encyclopedia of Peredelkino, in particular, and of the daily life of Soviet literature in general. To further substantiate this claim, it contains an extensive name index. On the other hand, we have strived to present our stories in a way that would appeal to the general reader, and not only the savant. The tone of the storytelling varies from serious to humorous to sardonic. There are many quotations from the memoirs of the Peredelkino residents, alongside the evidence from visitors and journalists. Some of this material is available through the extended English treatment which you may find on pp. 494-521. We hope that one day a complete English rendering of this book will see the light of day and Peredelkino will open many more of its mysteries to readers throughout the world. In the meantime, you will have to satisfy yourself with just about ten percent of the wealth of information and amusement contained in the Russian pages.

Despite what I've just said, I think that the much abridged English part will serve several more purposes, in addition to being just an invitation. It may be used as an English guidebook to the village, and the most complete and up to date guidebook, too. The tour of the village is assisted by detailed maps of the place provided with English inscriptions alongside the Russian ones. The maps are unique author's material and are published for the first time here. Through the book's bilingual Russian/English captions accompanying nearly 400 images, we present a unique picture gallery of Soviet literature, not to be found in any other English-language source.

Moreover, I hope the English pages will be fun to read. I am supported in this claim by Hannah Doran, my English-language editor; she wrote to me, "I really enjoyed working on this text - the mix of personal memoirs, anecdotes, social history and literary biography make for a unique and absorbing read. Your style of writing with its wide vocabulary and expressive turn of phrase adds interest and depth for the reader".

I hope you will enjoy your journey through Peredelkino in our book and will want to visit the place in person if you haven't yet been there.

All the English texts herein combine original material and translation from the Russian pages and were written by one of the authors.

I would appreciate your comments (please email kiralev@bk.ru).

Lev Lobov

Усилие культуры сегодня
не столько просвещение,
сколько сохранение

Андрей Битов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дачи и судьбы

Перedelкино. Улица Серафимовича. Фото Л. Лобова, август 2007

Serafimovicha is a typical Peredelkino lane

Басни и быль

Кем и как принималось решение о строительстве писательского городка

Басни... Stalin & Maxim Gorky, the founding fathers of the writers' Peredelkino. Pictured here in an oil on canvas by painter A. Gerasimov

...и быль. Сталин и Горький в скверике на Красной площади, 1931. Фото ИТАР-ТАСС

Stalin & Maxim Gorky in Red Square, 1931

В мае 1931 г. Горький торжественно – и уже навсегда – въехал в Москву из-за границы. И через два года было принято решение о строительстве литдеревни. По Переделкину ходит байка о том, как это было. Страшный горец якобы спрашивает Буревестника (акцент включаете?): «А как живут писатели за границей, Алексей Максимович?» – «На дачах живут, Иосиф Виссарионович, уезжают от городской суеты». – «А у наших писателей дачи есть?» – «Нет, Иосиф Виссарионович». – «Нехорошо. Надо, чтобы были дачи и у наших советских писателей. Пришлите мне список человек на сорок-пятьдесят самых достойных». Не эту ли сладостную басню запечатлел Александр Герасимов в своей картине маслом «И.В. Сталин и А.М. Горький на даче», которая украшала школьные учебники сороковых и пятидесятых годов прошлого века?

Есть и другая басенная версия, которую поведала Ирина Солганик, некогда завсегда перedelкинского Дома творчества. Тут уже не Горький, а Леонид Леонов, Александр Фадеев и Федор Панферов выступили «ходаками» за писательские дачи. Молотов, которого Сталин пригласил на беседу, якобы вставил словечко, «что участки им дать надо и что, мол, уже и место для этого подобрано – поселок Переделкино в тридцати минутах езды от столицы». «Лучше было бы не Переделкино, а Перепискино», – пошутил, покуривая знаменитую трубку, Сталин, но идею, тем не менее, поддержал и даже добавил, что дачи советское правительство построит для них само. «А то они налепят там курятников, а за граница будет говорить, что писатели при Сталине живут плохо», – пояснил он.